

Борьба с цветными революциями НОВАЯ РОССИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И КАК НА НЕЕ СЛЕДУЕТ РЕАГИРОВАТЬ США

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 342
Сентябрь 2014

Дмитрий Горенбург
Корпорация CNA; Гарвардский университет

Основной темой Московской конференции по международной безопасности, прошедшей в мае 2014 г. под эгидой Министерства обороны РФ, стала роль массовых протестов – в особенности цветных революций – в международной безопасности. Основные докладчики, в том числе такие высокопоставленные российские официальные лица, как министр обороны Сергей Шойгу и министр иностранных дел Сергей Лавров, назвали цветные революции новым методом ведения войны, который изобрели западные правительства. Целью таких революций, по мнению докладчиков, является свержение ведущих независимую политику правительств и установление на их месте контролируемых Западом марионеток. Утверждалось также, что такие методы являются частью глобальной стратегии по силовому насаждению тем странам, которые отказываются признать гегемонию США, чуждых этим странам ценностей. Основной целью такой стратегии, по мнению докладчиков, является Россия.

Запад считает цветные революции мирным проявлением воли народа, не желающего мириться с репрессивным и авторитарным режимом. Однако российские официальные лица уверены, что военная сила является неотъемлемой частью цветных революций во всех их аспектах. По мнению российского руководства, Запад сперва использует невоенные методы для свержения несогласных с ним правительств путем цветных революций; при этом протестный потенциал среди населения используется как часть плана, направленного на смену режима мирным путем. Однако все эти планы подкреплены скрытой угрозой применения силы. Если одного лишь протестного потенциала оказывается недостаточно, начинается открытое использование военной силы с целью добиться смены режима. В частности, на режим может оказываться внешнее давление, чтобы не допустить применения им силы для наведения порядка в стране. За этим может последовать оказание военной и экономической помощи силам повстанцев. Если же и эти меры не достигают требуемого результата, то Запад проводит военную операцию, чтобы нанести поражение правительенным силам и позволить повстанцам захватить власть в государстве. Российские официальные лица, выступавшие на МКМБ, охарактеризовали цветные революции как новый метод агрессии, разработанный и опробованный Соединенными Штатами, и направленный на уничтожение государства изнутри путем разжигания в нем внутреннего противостояния. По сравнению с военным вмешательством, такой метод требует относительно небольших затрат ресурсов для достижения результата.

Сергей Шойгу заявил, что подобная схема уже была использована в целом ряде стран, включая Сербию, Ливию и Сирию, причем по всех этих случаях политическое вмешательство Запада со временем переросло в военные действия. В 2014 году эта же схема была применена в Украине, где антиправительственные протесты на протяжении нескольких месяцев переросли в гражданскую войну, а также в Венесуэле, где за так называемой демократической оппозицией якобы стоят Соединенные Штаты. Западной аудитории могут показаться странными попытки грести под одну гребенку такие разные по своей природе и характеру события, как в Сербии в 2000-м году, в Сирии в 2011-м, и в Венесуэле в 2014-м. Однако с российской точки зрения, все они имеют одну общую черту: политика всех этих стран шла вразрез с политикой США. Подобное объяснение трудно применить в случае народных восстаний в странах, правительства которых довольно близко сотрудничали с США, в т.ч. в Киргизстане в 2010 году, а также в Египте и Бахрейне в 2011-м. Однако такое противоречие, похоже, российское руководство особенно не беспокоит.

В российских дискуссиях о дестабилизирующей роли цветных революций обычно утверждается, что США инспирируют такие революции по всему миру. Однако при этом в Москве прочно утвердилось мнение, что именно Россия является одной из ключевых целей такой политики. Это лишь подстегивает опасения того, что беспорядки в бывших советских республиках могут являться инструментом, который США используют для смены режима в самой России.

Ответная стратегия России

Подобная точка зрения, по-видимому, лежит в основе новой стратегии национальной безопасности, которую разрабатывает Россия. Хотя российское правительство пока не опубликовало никаких документов, отражающих данную стратегию, выводы о ее ключевых положениях можно сделать на основании анализа заявлений и действий российского руководства за последние несколько месяцев. Российская стратегия противодействия включает в себя как политические, так и военные элементы.

На политическом фронте Россия наращивает усилия по созданию альянсов с другими авторитарными режимами, которые тоже обеспокоены возможностью всенародных восстаний и риском потери власти. В той или иной мере данная стратегия проводилась Россией в течение всего президентства Путина. При этом предпринимались попытки укрепления связей с бывшими союзниками СССР на Ближнем Востоке и в странах Азии. Судя по заявлениям, сделанным в ходе МКМБ, для России это становится все более важным направлением политики. На конференции присутствовали министр обороны Ирана, замминистра обороны Египта, руководитель оборонного ведомства Мьянмы, заместители глав оборонных ведомств Вьетнама, Сирии и ОАЭ, а также большая делегация из Китая. Такой состав участников конференции дает представление об основных направлениях российских усилий по укреплению военного сотрудничества в этом году. Отсутствие представителей стран НАТО стало особенно ярким свидетельством смены российских приоритетов в данной области. Для сравнения: еще в 2013 году на МКМБ не было ни одного делегата из ближневосточных или азиатских государств, за исключением постсоветских стран Евразии, зато присутствовали высокопоставленные представители большинства стран НАТО.

Вторым приоритетным направлением российской политической стратегии является раскол единства западного альянса. Усилия в данном направлении предпринимались в течение нескольких последних лет путем укрепления политических альянсов с ультраправыми

партиями по всей Европе и в США. Марлен Ларюэль, Митчелл Оренстайн и другие авторы уже писали о поддержке Россией позиции европейских националистов, направленной против Европейского Союза и иммиграции.¹ В основе альянса России с европейскими ультраправыми движениями является их общее неприятие укрепления связей между ЕС и его восточными соседями. Европейским ультраправым партиям также близка российская линия по таким вопросам, как роль религии в обществе, однополые браки и права однополых меньшинств в целом. Позиция по данным вопросам также позволила России заручиться поддержкой довольно неожиданных союзников среди правых христианских групп в Соединенных Штатах. В ответ на российскую поддержку по вопросу абортов и прав однополых меньшинств эти группы выражают свои симпатии (которые в иных условиях показались бы довольно странными) российскому внешнеполитическому курсу в таких областях, как права человека и продвижение демократии.

Что же касается военного аспекта, Россия пришла к выводу, что лучшим способом противодействия той стратегии, в которой она обвиняет США, является всесторонняя и мощная поддержка авторитарных режимов по всему миру. Эта поддержка включает в себя военную и экономическую помощь, а также политическую поддержку мер, предпринимаемых авторитарными режимами для подавления протестов. В российской политической риторике часто ставится знак равенства между протестующими и террористами или сторонниками радикальных идеологий, в т.ч. радикального ислама и фашизма.

В тех случаях, когда перечисленных мер оказывается недостаточно, а действия разворачиваются в регионе, который Россия считает крайне важным для своих национальных интересов, Москва продемонстрировала свою готовность идти еще дальше и оказывать прямую поддержку тем, кто противостоит прозападным силам. В число российских инструментов входит имитация массовых протестов, оказание поддержки местным повстанцам, а также угроза применением военной силы для защиты этнического русского населения в соседних странах.

Россия настаивает на своем праве защищать русских, которые проживают за границей. Учитывая большое количество этнических русских, которые проживают на всей постсоветской территории Евразии, претензии на такое право дают России повод для вмешательства в любом уголке региона. Кроме того, эти претензии могут стать самоисполняющимся пророчеством, посеяв семена недоверия к местным русским со стороны правительства постсоветских стран. Такое недоверие может привести к дискриминации, а дискриминация создаст условия для потенциального российского вмешательства.

Российская стратегия в Украине

Действия, которые в последние несколько месяцев Россия предпринимает в Украине, основываются на вышеописанной стратегии. Кроме того, они следуют параллельно той стратегии цветных революций, которую, по мнению российского руководства, проводят сами США. Российские официальные лица консультировали администрацию Януковича по вопросу о том, что делать с антиправительственными протестами. Похоже, что россияне советовали применить репрессивные меры, хотя в результате правительству

¹ М. Ларюэль, “По ту сторону антизападничества: Кремлевский нарратив о европейской идентичности и миссии России”, ПОНАРС Евразия, [Аналитическая записка № 326](#), Август 2014 г.; Orenstein, “Putin's Western Allies: Why Europe's Far Right Is on the Kremlin's Side,” *Foreign Affairs*, March 25, 2014.

Украины не хватило либо готовности, либо возможностей для успешного принятия таких мер. Представители российских спецслужб регулярно встречались с украинским руководством. В частности, 20-21 февраля, т.е. в те дни, когда правительство Януковича рухнуло, в Киеве находился генерал-полковник ФСБ Сергей Беседа.

Параллельно с этим российское правительство предоставляло Украине экономическую помощь, в т.ч. кредитный пакет в размере 15 миллиардов долларов, а также пошло на снижение цены на газ для Украины с 400 до 268 долларов за 1000 кубометров. Этот пакет помощи был отменен после прихода нового украинского правительства.

Когда оказалось, что российская помощь не смогла удержать правительство Януковича у власти, Россия немедленно предприняла шаги для ослабления нового антироссийского правительства, которое в тот момент формировалось в Киеве. Факты указывают на то, что агенты России принимали участие в организации протестов против нового правительства на востоке Украине и в Крыму после того, как Виктор Янукович покинул Украину.

С самого начала конфликта Россия неоднократно угрожала Киеву применением силы, чтобы повлиять на действия нового украинского правительства. Она, в частности, заявляла о сохранении за собой права вмешаться в конфликт, а также провела целую серию военных учений на границах с Украиной. Первоначально в российских заявлениях делался упор на необходимости защиты русских, проживающих в Украине, хотя в дальнейшем, по мере эскалации конфликта в течение лета, акцент сместился на необходимость защиты всего мирного населения от гуманитарной катастрофы. Такая позиция перекликалась с прошлыми заявлениями Запада, в которых необходимость вмешательства во внутренние конфликты оправдывалась доктриной обязанности международного сообщества защищать мирное население.

В последующем Россия прибегла к скрытому военному вмешательству в Крыму и как минимум предоставила военную и финансовую помощь силам сепаратистов на востоке Украины. Молниеносная российская интервенция в Крыму стала возможной благодаря присутствию довольно крупного военного контингента (около 14 000 военнослужащих) на российских военных базах на полуострове, а также благодаря резкому неприятию нового украинского правительства среди местного населения. Силы российской морской пехоты, размещенные в Севастополе, получили подкрепление в виде подразделений спецназа российской военной разведки. Эти силы заняли ключевые объекты полуострова (в т.ч. здания органов власти и перешеек, соединяющей Крым с материковой частью Украины), а также заблокировали украинские военные базы в Крыму. Многие из этих действий были частью сценария российских военных учений, которые прошли годом ранее в черноморском регионе.

Эскалация российских действий на востоке Украины происходила намного медленнее, а сам конфликт тянется уже несколько месяцев. Первоначально российская поддержка ограничивалась кампанией пропаганды в СМИ против «фашистской хунты», которая якобы захватила власть в Киеве, и моральной поддержкой действий протестующих на Донбассе. По мере эскалации конфликта в апреле и мае 2014 года в боевых действиях в регионе начали принимать участие добровольцы из России. Многие из этих добровольцев были неофициальным образом завербованы через российские военкоматы. Хотя неопровергимых доказательств пока не появилось, очень высока вероятность того, что агенты российских спецслужб с самого начала принимали участие в координации протестов в восточных и южных регионах Украины.

Роль России в конфликте постепенно возрастала, особенно после того, как украинские войска начали выбивать силы сепаратистов с ранее занятых ими территорий в конце июня 2014 г. Уже на самых ранних этапах конфликта лидеры протестующих из числа местного населения были оттеснены с руководящих ролей российскими гражданами, некоторые из которых имели связи с российскими спецслужбами. В июне Россия также начала поставки сепаратистам тяжелого вооружения, в т.ч. систем реактивного залпового огня и ПВО. В июле российские войска начали обстреливать украинские силы с российской территории, чтобы не позволить Украине закрыть границы и перекрыть поступление сепаратистам военной помощи из России. После серии успешных операций украинских сил, в августе российское правительство ввело на украинскую территорию ограниченный контингент российских войск и открыло второй фронт под Новоазовском и Мариуполем на юге Донецкой области. Ранее эти территории находились под уверенным контролем украинского правительства. Данная эскалация российской военной помощи силам сепаратистов резко изменила ход конфликта. Украинские войска понесли тяжелые потери по всему Донбассу и потеряли приблизительно половину тех территорий, над которыми они ранее восстановили контроль в ходе летних операций.

Судя по всему, российские действия в Украине следуют той же модели, которую, по мнению российского руководства, неоднократно применяли США для устранения неугодных им правительств по всему миру. Наращивание российской военной помощи сепаратистам в течение лета 2014 года скорее всего было реакцией на быстро меняющуюся ситуацию и не шло по заранее подготовленному плану. Однако предшествующие этому действия России по дестабилизации Украины после побега Януковича из Киева вероятно являлись частью давно разработанной стратегии. Вполне возможно, российское руководство считает, что США активно стремятся дестабилизировать недружественные им режимы именно потому, что подобные действия давно являются обычным инструментом российской политики.

Как реагировать США?

Продолжаются дебаты по вопросу о том, какие факторы оказывают определяющее влияние на формирование нынешней российской внешней политики – внутриполитические или внешнеполитические. Судя по всему, на самом деле речь идет о комбинации этих факторов. В основе российской внешней политики, по-видимому, лежит сочетание страха перед массовыми протестами и неприятие мировой гегемонии США. Оба этих фактора воспринимаются как угроза путинскому режиму.

Нынешняя российская политика в отношении Украины не является отражением геополитических расчетов последствий экономического сближения Киева с ЕС или с Евразийским Союзом, или даже возможного вступления Украины в НАТО. Аналогичным образом, основной целью аннексии Крыма вовсе не являлось обеспечение безопасности Черноморского Флота. На самом деле основной целью было укрепление путинского режима внутри самой России путем подстегивания патриотических настроений среди российского населения. Патриотизм используется российским правительством в качестве прививки для россиян от оппозиционных и/или прозападных настроений. Именно такая цель объясняет яростную антиукраинскую и антиамериканскую кампанию, развернутую в российских СМИ на самых ранних этапах украинского конфликта.

В такой ситуации нет никакого смысла тратить время на попытки убедить нынешнее российское руководство занять более конструктивную позицию. Если правительство России искренне считает, что США стремятся его свергнуть и лишь поджидают удобного

момента для нанесения удара, то российская политика останется нацеленной на то, чтобы не дать США такой возможности.

Американский ответ на такую российскую позицию должен основываться на сочетании мер, призванных убедить Россию в отсутствии у США планов свержения путинского режима, и настойчивого декларирования ключевого американского принципа: граждане каждой страны заслуживают права самостоятельно выбирать собственное правительство без внешнего вмешательства (со стороны как России, так и США).

В практическом плане США следует подталкивать правительство Украины к проведению политики примирения на Донбассе. Хотя действия России очень сильно усугубили данный конфликт, он также имеет и внутренний компонент, который невозможно разрешить одними лишь военными действиями. В идеальном мире Россия и США работали бы сообща, чтобы способствовать украинскому примирению, хотя я сомневаюсь, что нынешнее российское руководство искренне желает мира на востоке Украины. Установлению мира оно предпочитает сохранение нестабильности в данном регионе, чтобы наглядно продемонстрировать собственному населению опасность массовых протестов, ведущих к свержению режима, даже если этот режим не пользуется особой народной поддержкой.

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org